

Лейкин Николай Александрович

Рукобитие и Ряженые
Картины из купеческого быта

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 82-311.8
ББК 84-4
Н63

Н63 **Николай Александрович Л.**
Рукобитие и Ряженные: Картины из купеческого быта / Лейкин Николай
Александрович – М.: Книга по Требованию, 2022. – 68 с.

ISBN 978-5-519-92956-1

ISBN 978-5-519-92956-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

РУКОВИТІЕ.

(Гостиная въ домѣ Шибалова. Старинная мебель почернѣлаго краснаго дерева, обитая пунцовымъ штофомъ; у стѣны направо диванъ, налѣво окно; у окна тумба, на тумбѣ часы; съ потолка виситъ люстра, на стѣнѣ картины: Петръ Великій на Ладожскомъ озерѣ и какая-то нимфа. Дверь въ серединѣ и дверь налѣво).

~~~~~

ЯВЛЕНІЕ I.

На маленькомъ диванѣ предъ столомъ сидятъ—Анфиса Михайловна и Ивановна; передъ ними стоитъ тарелка съ кедровыми орѣхами. На диванѣ у стѣны спитъ Шибаловъ, онъ безъ сюртука, по временамъ всхрапываетъ.

Анфиса Михайловна *(взявъ горсть орѣховъ)*.— Ъшь, Ивановна, это иногда для скуки хорошо.

Ивановна. — Кушай, родная, сама, кушай сама, не люблю я ихъ, а ты мнѣ лучше ужъ мятныхъ пряниковъ отсыпleshъ, — снесу своему парнишкѣ. Ужъ куда мнѣ съ орѣхами! зубы-то у меня не то, что у тебя; у тебя вонъ, родная, перламутръ на перламутрѣ, что твои жемчуги рассыпаны...

Анфиса Михайловна *(съ самодовольной улыбкой)*. — Полно, Ивановна, что ты говоришь...

Ивановна. — А что-жъ, родная, нешто я вру; да

не будь я Ивановна, коли вру... и не я одна говорю, а и люди говорятъ. Ужъ прельстила сокола!

Анфиса Михайловна. — Ну ужъ, пошла...

Ивановна. — А то что-жъ, неправда? (*Озирается и хватается себя за голову. Въ помолоса*) Батюшки родные, я и забыла, что Василій-то Прохорычъ здѣсь почиваетъ!

Анфиса Михайловна. — Ничего, ничего, говори, только тише. Онъ разоспался, его теперь хоть вилами подымай, такъ не разбудишь. (*Подсаживается къ ней ближе*). Только не ври.

Ивановна. — Да что-жъ, родная, словно въ первой. Первымъ дѣломъ, бери педулку! (*Достаетъ изъ кармана свернутую записку и тихаетъ ей въ руку*).

Анфиса Михайловна. (*Беретъ записку и прячетъ ее на груди за лифъ*). — Ахъ, срамъ какой!

Ивановна. — Ужъ и срамъ!..

Анфиса Михайловна (*краснѣя и улыбаясь*). — Да кто-жъ онъ такой?

Ивановна. — Погоди, не перебивай, все по порядку расскажу. Помнишь свадьбу Жигалова? Помнишь фертика, что съ тобой сряду двѣ кадрили танцовалъ?

Анфиса Михайловна. — Да какой онъ такой изъ себя?

Ивановна. — Да такъ себѣ; не высокой, не низенькой, черненькой эдакой, съ усиками.

Анфиса Михайловна. — Ахъ, помню, еще у него на щекѣ, вотъ здѣсь, бородавка съ волосомъ? (*Показываетъ на щеку*).

Ивановна. — Онъ, онъ и есть, родная, съ бородавкой, только вѣдь она къ нему идетъ, не безобразіе

какое, а красоту приносить. Онъ въ гостиномъ въ приказникахъ служить, только скоро свою лавку открыть хочетъ.

Анфиса Михайловна. — Гдѣ же ты его видѣла, Ивановна?

Ивановна. — А вотъ слушай. Вѣдь Панфилову-то Криницына дочку я высватала: только прихожу я къ жениху въ лавку, да и спрашиваю его: а кто, молъ, родной, дружка у тебя будетъ? вѣдь на это, молъ, нужно человѣка, чтобъ всѣ порядки зналъ. «У меня, говорить, есть такой, одинъ, говорить, мой благопріятель, все, что слѣдуетъ знаетъ... Вотъ, говорить, онъ налицо», да и показаль на него: онъ тутъ же въ лавкѣ былъ. Ты, говорю, батюшка? «Я, говорить, самый и есть. Не безпокойся, говорить, Ивановна, — ужъ и имя мое, родная, узналъ, — я всѣ порядки знаю, я, говорить, и это знаю, что теперь сдѣлать нужно». Полѣзь въ бумажникъ и дажь мнѣ рубль цѣлковый. «Вотъ тебѣ, говорить, на извозчика!». Человѣкъ-то такой душевный! Ну, эдакимъ манеромъ мы съ нимъ и познакомились. Третьяго дня я была у Криницыныхъ, и онъ съ женихомъ былъ. Только эдакъ я къ нему подхожу, да и говорю: стой, молъ, родной, не отвертисься, и тебѣ высватаю! А онъ эдакъ грустно, голубчикъ, взглянулъ на меня, да и говорить: «ничего, говорить, мнѣ, Ивановна, не нужно, у меня, говорить, сердце не на мѣстѣ». Что, говорю, аль зазноба какая? «То-то и есть, что да, говорить». Давай, говорю, дѣлу помогу! «Не можешь, говорить, потому что она мужнина жена». Помогу, говорю. Онъ мнѣ напрямки и отрѣзалъ. «Ты, говорить, Ивановна, ходишь къ Шибаловымъ?» Да я, говорю, ихней дочкѣ же-

ниха сватаю. «А я, говорить, въ Шибалову, говорить, въ Анфису Михайловну, ужасти какъ влюбленъ. Просто, говорить, жить не могу!»

Анфиса Михайловна. — Ну, полно, что ты, Ивановна, неужто такъ и сказалъ?..

Ивановна. — Съ мѣста не сойти, родная, коли я вру! «Снеси, говорить, ей, Ивановна, отъ меня писемцо, и скажи, говорить, ей, коли она меня любить, пусть въ субботу ко всенощной къ Іоанну Предтечѣ приходить, я, говорить, тамъ буду». Да они, говорю, родной, къ Іоанну Предтечѣ не ходятъ, они, говорю, по Миколѣ, такъ туда ходятъ. Все мнѣ рассказалъ, какъ онъ, родная, съ тобой познакомился, и сейчасъ рубль въ руку. Что же, придешь, что-ли? Какъ его обрадовать-то?

Анфиса Михайловна. — Право, не знаю...

Ивановна. — Что-жъ, вѣдь тебя не убудеть. Право, сходи!.. Придешь, что-ли?..

Анфиса Михайловна. — Да ужъ не знаю, какъ быть!

Ивановна. — А я тебѣ скажу, родная, какъ быть. Ступай.

Анфиса Михайловна. — Слышишь, Ивановна, ужъ ты лучше скажи, чтобъ онъ къ Іоанну Предтечѣ приходилъ, я туда приду, а то у насъ у Никоды знакомыхъ много бываетъ. Одинъ-то разъ можно и къ Іоанну Предтечѣ сходить, что-жъ, такая же церковь христіанская.

Ивановна. — Ну, вотъ и ладно, такъ я ему скажу. Что-жъ, тебѣ на мужа-то, что-ли, глядѣть! (*Киваетъ головой на спящаго Шибалова*). Нешто онъ по тебѣ? — совсѣмъ не по тебѣ, Ему-бы вотъ только дрыхнуть...

Гдѣ же ему женою-то заниматься... Вишь, ты краля какая, словно пава, а онъ вонъ какой окамеловъ.

Анфиса Михайловна. — И не говори, Ивановна, теперича весь день въ лавкѣ, а въ трактирѣ просидить, все это чаемъ да водкой набулдыхиваетъ брюхо, а придетъ домой, сейчасъ развалится вотъ здѣсь на диванѣ, да и спитъ до ужина. Только за ужиномъ его и видишь, а тамъ опять спать. Вонъ и сегодня, пришелъ изъ лавки выпивши и легъ. Станешь ему говорить, когда онъ пьянъ, — ругается, отрезвится, станешь говорить: для чего, молъ, ты это, Василий Прохорычъ, пьешь столько? «Что-жъ, говорить, мнѣ черезъ тебя по-міру, что-ли идти? наше, говорить, дѣло такое, что и съ однимъ выпьешь, и съ другимъ, безъ этого, говорить, дѣла не сдѣлаешь, потому нужно угостить кого слѣдуетъ, ну и самому пить съ нимъ нужно». Весь-то день-деньской сидишь, сидишь дома, даже одурь возьметъ; только и радости, что въ окошко посмотришь, да въ воскресенье съ Глашей по Невскому прокатишься. Въ театръ только на святкахъ да на масляной и ходимъ; да и то насилу допросишься. Сидитъ онъ въ ложѣ, да зѣваетъ вслухъ. Прошлый разъ съ нами рядомъ въ ложѣ офицеры сидѣли, такъ смѣются; срамъ, да и только!

Ивановна. — И не говори, родная! Вотъ теперь отведешь душу. *(Въ это время Шибаловъ всхрапываетъ и перевертывается на другой бокъ)*. Ну, просыпается, кажется!

Анфиса Михайловна. — Нѣтъ, еще это онъ только разоснался. Вѣдь какой онъ: при постороннихъ ни съ того, ни съ сего съ ногъ срѣжетъ. Прошлый разъ были мы у Анны Ивановны на именинахъ. Сълъ онъ

играть въ горку. Часа въ три подошла я къ нему къ столу, да и говорю: поздно, молъ, ужъ; домой, говорю, Василій Прохорычъ, пора. А онъ въ это самое время и проиграй, да какъ напустится на меня: «Все, говорить, выигрывалъ, выигрывалъ, а ты, говорить, какъ подошла, такъ-такъ, говорить, словно заколодило, сразу все спустилъ». Развѣ я виновата въ этомъ? — ну, посуди, Ивановна...

Ивановна. — Что говорить, что говорить! Звѣрь, звѣрь!

Анфиса Михайловна. — Гости захохотали. А онъ мнѣ: «ступай, говорить, въ тѣ комнаты, нечего тебѣ меня учить, самъ знаю, когда домой пора, захочу, говорить, такъ васъ здѣсь до завтрашняго утра проморю».

Ивановна. — Ну, погоди, родная, ужъ я говорю, что отведешь теперь душеньку, вотъ свадьба будетъ. Что же та-то пава, Глафира Васильевна, неужто все еще одѣвается?..

Анфиса Михайловна. — Сейчасъ выйдетъ... Въ которомъ часу они смотрѣть-то общались пріѣхать?..

Ивановна. — Да общались часовъ эдакъ въ семь пріѣхать.

Анфиса Михайловна (*глядитъ на часы*). — Значить, скоро пріѣдутъ. Что же это въ самомъ дѣлѣ Глашенька-то такъ долго копается? Я ужъ давно готова. Кто же сегодня пріѣдетъ-то, Ивановна?

Ивановна. — Да самъ съ братомъ, да женихъ. Вѣдь ужъ сегодня пріѣдутъ, чтобъ совсѣмъ покончить.

Анфиса Михайловна. — Ахъ, дай-то Богъ, хоть повеселимся...

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же и ГЛАШЕНЬКА.

ГЛАШЕНЬКА (*выходя изъ дверей нальво*). — Здравствуй, Ивановна!

ИВАНОВНА. — Здравствуй, моя писаная (*цѣлуется съ ней три раза*). Ну, родная, какъ расфрантилась, павва — павой, хоть королевича какого, такъ прельстишь, не даромъ женишокъ говорить: «спать не могу, что глаза закрою, Глафиру Васильевну вижу». Въ воскресенье на Невскомъ гулялъ, видѣлъ, какъ вы катались. «Смотрю, говорить, и вижу — двѣ крали ѣдутъ!»

Глашенька. — Ну ужъ, полно!..

Анфиса Михайловна. — Все-то ты врешь!

ИВАНОВНА. — Что-жъ вы такія невѣрныя! что я за магометка такая, что все вру...

Анфиса Михайловна. — Такъ они сегодня, ты говоришь, за послѣднимъ рѣшеніемъ пріѣдутъ?

ИВАНОВНА. — За послѣднимъ. Да ужъ навѣрно сегодня покончатъ. Все-то у васъ есть, всего-то у васъ много, чего-жъ имъ еще? Прошлый разъ вонъ у нихъ съ Хаповыми разошлось дѣло, такъ только потому, что за невѣстой черный бархатный салонъ былъ. «Что, говорить, за травуръ такой, шейте, говорить, гранатный». Ну, самъ-то Хаповъ тоже правный. «Не сошью, говорить». Ну, и разошлось дѣло.

Глашенька. — Ахъ, маменька, что же это такое, скоро женихъ пріѣдетъ, а папенька еще до сихъ поръ спитъ; его будить ужъ пора.

Анфиса Михайловна.—Пора-то пора, только не знаю, какъ къ нему подступиться; пожалуй, вскочить, да изругаетъ насъ всѣхъ. Ужъ ты лучше уйди, Ивановна, отъ грѣха...

Ивановна.—Это еще для чего? Не бойся, родная, онъ меня не изругаетъ, я сама тоже цѣпной песь, хошь кому глотку переѣмъ. Что съ меня взять-то?

Глашенька (*подходитъ къ отцу*). — Паленька, вставайте! паленька...

Анфиса Михайловна.—Василій Прохорычъ, вставайте, сегодня Панфилъ Яковлевичъ пріѣдетъ (*Шибаловъ мычитъ и перевортывается на другой бокъ*). Просто хоть въ пушку пали, такъ крѣпко спать!

Глашенька (*трясетъ его за рукавъ*).—Паленька, что же это въ самомъ дѣлѣ, вставайте, сейчасъ женихъ пріѣдетъ. Ахъ, Боже мой, что же намъ дѣлать, онъ не встаетъ! Ну, какъ они его въ эдакомъ видѣ застанутъ?

Ивановна.—Постойте-ка я его побужу. (*Подходитъ къ нему*). Слышь, Василій Прохорычъ, вставай, полно безобразничать!

Василій Прохорычъ (*сквозь сонъ*).—Сейчасъ... погоди... оставь...

Ивановна.—Не оставлю, пока не встанешь, вставай!.. Сейчасъ женихъ съ отцомъ къ дочери пріѣдетъ, а онъ все еще спитъ.

Василій Прохорычъ (*все еще не открывая глазъ*).—Да оставь, что словно банный листъ пристала. Вѣдь не горимъ!

Ивановна (*трясетъ его за рукавъ*). — Вставай, говорю!..

Василій Прохорычъ (*вскакиваетъ съ дивана*).—

А волкъ тебя зарѣжь! (*Открываетъ глаза*). Ты что здѣсь?.. Какъ ты могъшь меня безпокоить? Пошла вонъ!

Ивановна (*подбоченивается*). — Антъ не пойду!

Василій Прохорычъ. — Не дразни меня, не то насильно за двери выпихаю...

Глашенька. — Ахъ, папенька, что вы это, вѣдь сегодня женихъ за послѣднимъ рѣшеніемъ прїѣдетъ.

Василій Прохорычъ (*потягиваясь*). — Знаю...

Ивановна. — Какъ-же, знаешь, а до этихъ поръ дрыхнешъ. Вѣдь сегодня Панфилъ Яковлевичъ прїѣдетъ для того, чтобъ ужъ по рукамъ ударить!

Василій Прохорычъ (*садится*). — Не дрыхну я, а сплю, а для того сплю, что знаю, что никакого толку не будетъ, все-то ты врешь...

Ивановна. — Меринъ вретъ, когда ржетъ, а не я. Ужъ больно ты самому-то полюбился. «Онъ, говоритъ, мнѣ по нраву пришелся: онъ нравенъ и я нравенъ».

Василій Прохорычъ. — Ну да, я сейчасъ человѣка вижу, да и сынишка-то у него въ страхѣ. Деньги деньгами, а окромя того, мнѣ человѣкъ нуженъ.

Ивановна. — Ну да, конечно, я тебя знаю, ты человѣкъ разсудительный, а вѣдь другому дураку хоть бы песь, да яйца несъ.

Василій Прохорычъ (*женъ*). — Анфиса Михайловна, вотъ видишь, она мой нравъ-то поняла, а ты семь годовъ со мной живешь, не можешь понять. Этотъ Панфилъ Яковлевичъ вотъ какой человѣкъ, онъ бабѣ потачки не дастъ. Понравился ему одинъ чиновникъ судейскій, потому, значить, какъ онъ все по подрядамъ, такъ, значить, съ судейскими все и хороводится... «Я, говоритъ, тебя женю на моей дочери». Ну тотъ,

извѣстно—голь, обрадовался. Жена и руками, и ногами. Такъ, говорить, на зло же женю. И сталъ этотъ чиновникъ какъ женихъ къ нимъ въ домъ ходить, да и влѣзъ въ душу къ женѣ-то Панфила Яковлева, сталъ у ней руки цѣловать, та и растаяла. Увидалъ это,—«врешь, говорить, не быть ему женихомъ». Споеилъ его разъ, споеилъ два, да и говорить: «какой ты женихъ, ты, говорить, голь, да и пьяница, пошелъ вонъ», и выгналъ изъ дому. «А вотъ тебѣ за безчестье, али за что хошь тамъ считай, сто рублей». Такъ и выгналъ. Ивановна, ты поняла мой нравъ, пойдемъ и огорчимся, выпьемъ по рюмочкѣ.

Ивановна.—Пойдемъ, пойдемъ, что ужъ съ тобой дѣлать!

Анфиса Михайловна (*Ивановнѣ тихо*).—Не давай ты ему, пожалуйста, больше одной рюмки.

Ивановна.—Да ужъ не дамъ, родная, не дамъ, будь спокойна.

Василій Прохорычъ.—Что у васъ тамъ еще за перешептыванье!

Анфиса Михайловна.—Ничего, Василій Прохорычъ, я такъ ей два слова сказала, по нашему женскому дѣлу.

Василій Прохорычъ.—Слышь, Анфиса Михайловна, вели Михейкѣ, чтобъ на погребъ сбѣгалъ да принесъ бутылку ренвенцу, тамъ у меня три есть, ужъ за шампанское уйдетъ, да чтобы селедки очистилъ да самоваръ поставилъ. Глаша! а ты пойдемъ со мной, сыграй на фортульянѣ «Во саду-ли въ огородѣ».

Глашенька.—Ахъ, папенька, время-ли теперь играть? сейчасъ женихъ пріѣдетъ.